

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б16

Бажов, Павел Петрович.

Б16 Серебряное копытце. Сказы / Павел Бажов ; иллюстрации Елены Шафранской. — Москва : Эксмо, 2023. — 104 с. : ил.

ISBN 978-5-04-174046-7

В книгу вошли шесть самых «детских» сказов Павла Петровича Бажова: «Золотой Волос», «Про Великого Полоза», «Змеиный след», «Серебряное копытце», «Огневушка-Поскакушка», «Синюшкин колодец».

Герои этих добрых и светлых историй — дети и взрослые, сохранившие в сердце детскую искренность и непосредственность. Поэтому и помогают им волшебные силы. Познакомьтесь с героями поближе и полюбоваться заколдованными сокровищами помогают сказочные иллюстрации Елены Шафранской.

УДК 821.161.1-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174046-7

© Бажов П.П., текст, наследники, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ЗОЛОТОЙ ВОЛОС

Было это в давних годах. наших русских в здешних местах тогда и в помине не было. Башкиры тоже не близко жили. Им, видишь, для скота приволье требуется, где еланки да степочки. На Нязях там, по Ураиму, а тут где же? Теперь лес — в небо дыра, а в ту пору — и вовсе ни пройти ни проехать. В лес только те и ходили, кто зверя промышлял.

И был, сказывают, в башкирах охотник один, Айлыпом прозывался. Удалее его не было. Медведя с одной стрелы бил, сохатого за рога схватит да через себя бросит — тут зверю и конец. Про волков и протча говорить не осталось. Ни один не уйдёт, лишь бы Айлып его увидел.

Вот раз едет этот Айлып на своём коне по открытому месту и видит — лисичка бежит. Для такого охотника лиса — добыча малая. Ну, всё ж таки, думает:

«Дай позабавлюсь, плёткой пришибу». Пустил Айлып коня, а лисичку догнать не может. Приловчился стрелу пустить, а лисички — быть-бывало. Ну что? Ушла так ушла — её счастье. Только подумал, а лисичка вон она, за пенёчком сидит да ещё потявкивает, будто смеётся: «Где тебе!»

Приловчился Айлып стрелу пустить — опять не стало лисички. Опустил стрелу — лисичка на глазах да потявкивает: «Где тебе!»

Вошёл в задор Айлып: «Погоди, рыжая!»

Еланки кончились, пошёл густой-прегустой лес. Только это Айлыпа не остановило. Слез он с коня да за лисичкой пешком, а удачи всё нет. Тут она, близко, а стрелу пустить не может. Отступиться тоже неохота. Ну, как — этакий охотник, а лису забить не сумел! Так-то и зашёл Айлып вовсе в неведомое место. И лисички не стало. Искал, искал — нет.

«Дай, — думает, — огляжусь, где хоть я». Выбрал листвянку повыше, да и залез на самый шатёр. Глядит — недалечко от той листвянки речка с горы бежит. Небольшая речка, весёлая, с камешками разговаривает и в одном месте так блестит, что глаза не терпят. «Что, — думает, — такое?» Глядит, а за кустом, на белом камешке девица сидит красоты невиданной, неслыханной, косу через плечо перекинула и по воде конец пустила. А коса-то у ней золотая и длиной десять сажень¹. Речка от той косы так горит, что глаза не терпят. Загляделся Айлып на девицу, а она подняла голову, да и говорит:

— Здравствуй, Айлып! Давно я от своей нянюшки-лисички про тебя наслышана. Будто ты всех больше да краше, всех сильнее да удачливее. Не возьмёшь ли меня замуж?

— А какой, — спрашивает, — за тебя калым² платить?

— Какой, — отвечает, — калым, коли мой тятенька всему золоту хозяин. Да и не отдаст он меня добром. Убегом надо, коли смелости да ума хватит.

Айлып рад-радёхонек. Соскочил с листвянки, подбежал к тому месту, где девица сидела, да и говорит:

— Коли твоё желанье такое, так про меня и слов нет. На руках унесу, никому отбить не дам.

¹ Сажёнь — старая русская мера длины, равная 2,13 метра.

² Калым — выкуп за невесту.

В это время лисичка у самого камня тьякнула, ткнулась носом в землю, поднялась старушонкой сухонькой, да и говорит:

— Эх, Айлып, Айлып, пустые слова говоришь! Силой да удачей похваляешься. А не мог вот в меня стрелу пустить.

— Правда твоя, — отвечает. — В первый раз со мной такая оплошка случилась.

— То-то и есть! А тут дело похитрее будет. Эта девица — Полозова дочь, прозывается Золотой Волос. Волосы у неё из чистого золота. Ими она к месту и прикована. Сидит да косу полощет, а весу не убывает. Попытай вот, подыми её косыньку — узнаешь, впору ли тебе её снести.

Айлып — ну, он из людей на отличку — вытащил косу и давай её на себя наматывать. Намотал сколько-то рядов, да и говорит той девице:

— Теперь, милая моя невестушка Золотой Волос, мы накрепко твоей косой связаны. Никому нас не разлучить!

С этими словами подхватил девицу на руки, да и пошёл. Старушонка ему ножницы в руку суёт.

— Возьми-ко ты, скороумный, хоть это.

— На что мне? Разве у меня ножа нет?

Так бы и не взял Айлып, да невеста его Золотой Волос говорит:

— Возьми — пригодятся, не тебе, так мне.

Вот пошёл Айлып лесом. С листвянки-то он понял маленько, куда правиться. Сперва бойко шёл, только и ему тяжело, даром что сила была — с людьми не сравнишь. Невеста видит — Айлып притомился — и говорит:

— Давай, я сама пойду, а ты косу понесёшь. Легче всё ж таки будет. Дальше уйдём, а то хватится меня тятенька, живо притянет.

— Как, — спрашивает, — притянет?

— Сила, — отвечает, — ему такая дана: золото, какое он пожелает, к себе в землю притягивать. Пожелает вот взять мои волосы, и уж тут никому против не устоять.

— Это ещё поглядим! — отвечает Айлып, а невеста его Золотой Волос только усмехнулась.

Разговаривают так-то, а сами идут да идут. Золотой Волос ещё и поторапливает:

— Подальше бы нам выбраться. Может, тогда тятенькиной силы не хватит.

Шли-шли, невмоготу стало.

— Отдохнём маленько, — говорит Айлып. И только они сели на траву, так их в землю и потянуло. Золотой Волос успела-таки, ухватила ножницы, да и перестригла волосы, какие Айлып на себя намотал. Тем только он и ухранился. Волосы в землю ушли, а он поверх остался. Вдавило всё ж таки его, а невесты не стало. Не стало и не стало, будто вовсе не было. Выбился Айлып из ямины и думает: «Это что же? Невесту из рук отняли и неведомо кто! Ведь это стыд моей голове! Никогда тому не бывать! Живой не буду, а найду её».

И давай он в том месте, где девица та сидела, землю копать. День копает, два копает, а толку мало. Силы, вишь, у Айлыпа много, а струменту — нож да шапка. Много ли ими сделаешь.

«Надо, — думает, — заметку положить да домой сходить, лопату и протча притащить».

Только подумал, а лисичка, которая его в те места завела, тут как тут. Сунулась носом в землю, старушонкой сухонькой поднялась, да и говорит:

— Эх ты, скороум, скороум! Ты золото добывать собрался али что?

— Нет, — отвечает, — невесту свою отыскать хочу.

— Невеста твоя, — говорит, — давным-давно на старом месте сидит, слёзы точит да косу в речке мочит. А коса у ней стала двадцать сажен. Теперь и тебе не в силу будет ту косу поднять.

— Как же быть, тётушка? — спросил Айлып.

— Давно бы, — говорит, — так. Сперва спроси да узнай, потом за дело берись. А дело твоё будет такое. Ступай ты домой, да и живи так, как до этого жил. Если в три года невесту свою Золотой Волос не забудешь, опять за тобой приду. Один побежишь искать, тогда вовсе её больше не увидишь.

Не привык Айлып так-то ждать, ему бы схвату да сразу, а ничего не поделаешь — надо. Пригорюнился и пошёл домой.

Ох, только и потянулись эти три годочка! Весна придёт, и той не рад — скорее бы она проходила. Люди примечать стали — что-то подеялось с нашим Айлыпом. На себя не походит. Родня, та прямо приступает:

— Ты здоров ли?

Айлып ухватит человек пять подюжее на одну руку, поднимет кверху, покрутит да скажет:

— Ещё про здоровье спроси — вон за ту горку всех побросаю.

Свою невесту Золотой Волос из головы не выпускает. Так и сидит она у него перед глазами. Охота хоть сдалека поглядеть на неё, да наказ той старушонки помнит, не смеет.

Только вот когда третий год пошёл, увидел Айлып девчонку одну. Молоденькая девчоночка, из себя чернявенькая и весёлая, вот как птичка-синичка. Всё бы ей подскакивать да хвостиком помахивать. Эта девчоночка мысли у Айлыпа и перешибла. Заподумывал он:

«Все, дескать, люди в моих-то годах давным-давно семьями обзавелись, а я нашёл невесту да и ту из рук упустил. Хорошо, что никто об этом не знает: засмеяли бы! Не жениться ли мне на этой чернявенькой? Там-то ещё выйdet либо нет, а тут калым

заплатил и бери жену. Отец с матерью рады будут её отдать, да и она, по всему видать, плакать не станет».

Подумает так, потом опять свою невесту Золотой Волос вспомнит, только уж не по-старому. Не столь её жалко, сколь обидно — из рук вырвали. Нельзя тому попускаться!

Как кончился третий год, увидел Айлып ту лисичку. Стрелу про неё не готовил, а пошёл, куда та лисичка повела, только дорогу примечать стал: где лесину затешет, где на камне свою тамгу¹ выбьет, где ещё какой знак поставит. Пришли к той же речке. Сидит тут девица, а коса у неё вдвое больше стала. Подошёл Айлып, поклонился:

— Здравствуй, невеста моя любезная Золотой Волос!

— Здравствуй, — отвечает, — Айлып! Не кручинься, что коса у меня больше стала. Она много полегчала. Видно, крепко обо мне помнил. Каждый день чуяла — легче да легче стаёт. Напоследок только заминка вышла. Не забывать ли стал? А то, может, кто другой помешал?

Спрашивает, а сама усмехается, вроде как знает. Айлыпу стыдно сперва сказать-то было, потом решился, начистоту всё выложил — на девчонку-де чернявенькую заглядываться стал, жениться подумывал.

Золотой Волос на это и говорит:

— Это хорошо, что ты по совести всё сказал. Верю тебе. Пойдём поскорее. Может, удастся нам на этот раз убежать, где тятенькина сила не возьмёт.

Вытащил Айлып косу из речки, намотал на себя, взял у няни-лисички ножницы, и пошли они лесом домой. Дорожка-то у Айлыпа меченая. Ходко идут. До ночи шли. Как вовсе темно стало, Айлып и говорит:

¹ Тамга — знак рода.

— Давай полезем на дерево. Может, сила твоего отца не достанет нас с дерева-то.

— И то правда, — отвечает Золотой Волос.

Ну, а как двоим на дерево залезать, коли они косо́й-то, как верёвкой, связаны. Золотой Волос и говорит:

— Отстригнуть надо. Зря эку тягость на себе таскаем. Хватит, если до пят хоть оставить.

Ну, Айлыпу жалко.

— Нет, — говорит, — лучше так сохранить. Волосы-то, вишь, какие мягкие да тонкие! Рукой погладить любо.

Вот размотал с себя Айлып косу. Полезла сперва на дерево Золотой Волос.

Ну, женщина — непривычно дело — не может. Айлып ей так-сяк подсобляет — взлепилась-таки до сучков. Айлып за ней живёхонько и косу её всю с земли поднял. По сучкам ещё взмо­стились сколько да в самом том месте, где вовсе густой плетень, останов и сделали.

— Тут и переждём до свету, — говорит Айлып, а сам давай свою невесту косо́й-то к сучкам припутывать — не свалилась бы, коли задремать случится. Привязал хорошо да ещё похва­лился:

— Ай-яй крепко! Теперь сосни маленько, а я покараулю. Как свет, так и разбужу.

Золотой Волос, и верно, скорёхонько уснула, да и сам Айлып заподрёмывал.

Такой, слышь-ко, сон навалился, никак отогнать не может. Глаза протрёт, головой повертит, так-сяк поворочается — нет, не может тот сон одолеть.

Так вот голову-то и клонит. Птица-филин у самого дере­ва вьётся, беспокойно кричит — фубу! фубу! — ровно упреж­дает: берегитесь, дескать. Только Айлыпу хоть бы что — спит

себе, похрапывает и сон видит, будто подъезжает он к своему кошу¹, а из коша его жена Золотой Волос навстречу выходит. И всех-то она краше да милее, а коса у ней так золотой змеёй и бежит, будто живая.

В самую полночь вдруг сучья затрещали — загорелись. Айлыпа обожгло и на землю сбросило. Видел только, что из земли большое огненное кольцо засверкало и невеста его Золотой Волос стала как облачко — из мелких-мелких золотых искорок. Подлетели искорки к тому кольцу и потухли. Подбежал Айлып — ничем-ничего, и потёмки опять, хоть глаз выколи. Шарит руками по земле...

Ну, трава да камешки, да сор лесной. В одном месте нашарил-таки конец косы. Сажени две, а то и больше. Повеселел маленько Айлып:

«Памятку оставила и знак подала. Можно, видно, добиться, что не возьмёт отцова сила её косу».

Подумал так, а лисичка уж под ногами потявкивает. Сунулась носом в землю, поднялась старушонкой сухонькой, да и говорит:

— Эх ты, Айлып скороумный! Тебе что надо: косу али невесту?

— Мне, — отвечает, — невесту мою надо с золотой косой на двадцать сажен.

— Опоздал, — говорит, — коса-то теперь стала тридцать сажен.

— Это, — отвечает Айлып, — дело второе. Мне бы невесту мою любезную достать.

— Так бы и говорил. Вот тебе мой последний сказ. Ступай домой и жди три года. За тобой больше не приду, сам дорогу

¹ Кош — летнее жилище кочевников.

ищи. Приходи, смотри, час в час, не раньше и не позже. Покланяйся ещё дедку Филину, не прибавит ли тебе ума.

Сказала — и нет её. Как светло стало, пошёл Айлып домой, а сам думает: «Про какого это она филина сказывала? Мало ли их в лесу. Которому кланяться?»

Думал-думал, да и вспомнил — как на дереве сидел, так вился один у самого носу и всё кричал — фубу! фубу! — будто упреждал: берегись, дескать.

«Беспреренно про этого говорила», — решил Айлып и воротился к тому месту.

Просидел до вечера и давай кричать:

— Дедко Филин! Научи уму-разуму! Укажи дорогу.

Кричал-кричал — никто не отозвался. Только Айлып терпеливым стал. Ещё день переждал и опять кричит. И на этот раз никто не отозвался. Айлып третий день переждал. Вечером только крикнул:

— Дедко Филин! — А с дерева-то сейчас:

— Фубу! Тут я. Кому надо?

Рассказал Айлып про свою загадку, просит пособить, коли можно, а Филин и говорит:

— Фубу! Трудно, сынок, трудно!

— Это, — отвечает Айлып, — не горе, что трудно. Сколь силы да терпенья хватит, все положу, только бы мне невесту мою добыть.

— Фубу! Дорогу скажу! Слушай!

И тут Филин рассказал по порядку:

— Полозу в здешних местах большая сила дана. Он тут всему золоту полный хозяин: у кого хочешь отберёт. И может Полоз всё место, где золото родится, в своё кольцо взять. Три дня на коне скачи, и то из этого кольца не уйдёшь. Только есть всё ж таки в наших краях одно место, где Полозова сила не берёт.

Ежели со сноровкой, так можно и с золотом от Полоза уйти. Ну, недёшево это стоит — обратного ходу не будет.

Айлып и давай просить:

— Сделай милость, покажи это место.

— Показать-то, — отвечает, — не смогу, потому глазами с тобой разошлись: днём я не вижу, а ночью тебе не углядеть, куда полечу.

— Как же, — спрашивает, — быть?

Дедко Филин тогда и говорит:

— Приметку надёжную скажу. Побегай, погляди по озёрам и увидишь — в одном посередке камень тычком стоит вроде горки. С одной стороны сосны есть, а с трёх — голым-голо, как стены выложены. Вот это место и есть. Кто с золотом доберётся до этого камня, тому ход откроется вниз, под озеро. Тут уж Полозу не взять.

Айлып перевёл всё это в голове и смекнул — на озеро Иткуль приходится. Обрадовался, кричит:

— Знаю это место.

Филин своё толмит¹:

— А ты побегай всё-таки, погляди, чтоб оплошки не случилось.

— Ладно, — говорит, — погляжу.

А Филин напоследок ещё добавил:

— Фубу! Про то не забудь: от Полоза уйдёшь, обратного ходу не будет.

Поблагодарил Айлып дедку Филина и пошёл домой. Вскороности нашёл он то озеро с камнем в середине и сразу смекнул: «В день до этого места не добежать, непременно надо конскую дорогу наладить».

¹ Толми́ть — твердить.

Вот и принялся Айлып дорогу прорубать. Лёгкое ли дело одному-то да по густому лесу на сотню вёрст с лишком! Когда и вовсе из сил выбьется. Вытащит тогда косу — конец-то ему достался, — посмотрит, полюбуется, рукой погладит и ровно силы наберёт да опять за работу. Так у него три-то года незаметно и промелькнули, только-только успел всё сготовить.

Час в час пришёл Айлып за своей невестой. Вытащил её косу из речки, намотал на себя, и побежали они бегом по лесу. Добежали до прорубленной дорожки, а там шесть лошадей приготовлено. Сел Айлып на коня, невесту свою посадил на другого, четвёрку на повода взял, да и припустили, сколько конской силы хватило. Притомится пара — на другую пересядут да опять гнать. А лисичка впереди. Так и стелет, так и стелет, коней задорит — не догнать-де. К вечеру успели-таки до озера добраться. Айлып сразу на челночок, да и перевёз невесту свою с лисичкой к озёрному камню. Только подплыли — в камне ход открылся; они туда, а в это время как раз и солнышко закатилось.

Ох, что только тут, сказывают, было! Что только было!

Как солнышко село, Полоз всё то озеро в три ряда огненными кольцами опоясал. По воде-то во все стороны золотые искры так и побежали. Дочь свою всё ж таки вытащить не мог. Филин Полозу вредил. Сел на озёрный камень, да и заладил одно:

— Фубу! фубу! фубу!

Прокричит этак три раза, огненные кольца и потускнеют маленько — вроде остывать станут. А как разгорятся снова да золотые искры шибко по воде побегут, Филин опять закричит.

Не одну ночь Полоз тут старался. Ну, не мог. Сила не взяла.

С той поры на заплесках¹ озера золото и появилось. Где речек старых и следа нет, а золото — есть. И всё, слышь-ко, чешуйкой

¹ Заплёсок — низкий берег, заливаемый волнами.

